

1001 ДЕНЬ ПОД ВОДОЙ

Взгляд на жизнь с глубины 300 метров

Эпизоды жизни, которые не забываются
и остаются с тобой навсегда

Г. Л. БУТАКОВ

Контр-адмирал
Профессор · Кандидат военных наук

2026

Григорий Бутаков
1001 день под водой!

«Автор»

2026

Бутаков Г. Л.

1001 день под водой! / Г. Л. Бутаков — «Автор», 2026

Автор — контр-адмирал в отставке, провёл под водой более 1001 дня. Это честные мемуары о жизни подводника: походы, глубина 300 метров, люди и события, которые не забываются. Взгляд на жизнь с глубины — правдивый, живой, без прикрас. Для всех, кто любит море и настоящие истории.

© Бутаков Г. Л., 2026

© Автор, 2026

Григорий Бутаков

1001 день под водой!

ЭПИЗОД I ТРЕВОГА

Это было на заре моей командирской деятельности. Только что назначенный, молодой командир современного атомного подводного корабля, я был поднят с постели по тревоге и срочно убыл на подводную лодку, ещё не зная причины вызова.

Ночь. Пирс. Запах мазута и солёного моря. Трап гулко отзывается под ногами.

Доложил командиру дивизии адмиралу Игорю Гордееву и оперативному дежурному о прибытии. Получил приказ: срочно готовить корабль к выходу в море.

Тем временем офицеры и мичманы уже прибывали на борт — один за другим, молча и сосредоточенно. В глазах у каждого один немой вопрос: что случилось? И надолго ли?

Тот же вопрос жёг и меня. Но — по-другому. Не что случилось, а готов ли корабль? За своих людей я не беспокоился — не подведут. А вот корабль...

— Экстренно приготовить подводную лодку к бою и походу!

Эти слова запустили громадный механизм — чёткую, отработанную цепочку действий каждого члена экипажа на каждом боевом посту. Корабль ожил. Где-то в глубине отсеков глухо загудели механизмы, по трапам застучали торопливые шаги — и в этом нарастающем гуле уже чувствовалось одно: корабль готовится к бою.

ЭПИЗОД II ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ВЫХОДУ

Приготовление к выходу шло своим чередом, и никакая сила не могла остановить этот процесс — кроме командира. Но и он сам был лишь винтиком той громадной системы, что незримо нависала над ним: Коммунистическая партия — и он её член, Министерство обороны, ВМФ, Главнокомандующий ВМФ, командующий Тихоокеанским флотом, командующий флотилией — и наконец, его непосредственный начальник, командир дивизии. Все они незримо стояли за спиной. И могли обрушиться в любой момент — ведь именно от него зависело выполнение боевой задачи.

Он был на переднем крае. Только не в окопах — а в безбрежном океане. Один с экипажем, от которого и зависел исход сражений.

Командир внимательно отслеживал ход приготовления и параллельно — с пристрастием — выслушивал командиров боевых частей. Первым, как всегда, старший помощник — знал картину в целом, не больше самого командира. Вторым — командир БЧ-5, главный механик. МЕХ. Вот кто знал всё по технической части.

Не всё у него было в порядке. Да я и не ожидал, что будет всё тип-топ. Только представьте: такая махина, начинённая реакторами, оружием, штурманским и радиотехническим оборудованием по последнему слову техники, космической и подводной связью — километры кабелей, мегаватты электроэнергии — и всё это запихано в прочный корпус! Я до сих пор не возьму в толк, как такое можно было сделать.

Катись ты, железяка, только подальше от живых людей...

Выжал из меха все детали. Отбросил то, что можно доделать в море. С натягом — но выходить было можно. Все командиры боевых частей доложили. Не всё хорошо. Но главное — выход будет. Чего бы это ни стоило.

Иначе вся эта армада, стоящая сверху, обрушится на меня — и мало не покажется. Не впервые командир оказывался между двух огней: провалишь выход — накажут здесь, на базе. Выйдешь неготовым — накажут там, в океане. Только там цена ошибки совсем другая.

Но есть и обратная сторона медали: если всё хорошо — награда соответствующая. Пан или пропал.

Штурман на месте — обеспечит курс и место корабля. Акустики слушают море. Антенны в готовности — боевой сигнал не пропустят.

Рядом нервно топчется помощник командира — чешет затылок, мнётся. Видно, пошептался с провизионщиком. Докладывать командиру правду или фактически? Соврать невозможно — в море всё вскроется. Дело нешуточное.

ЭПИЗОД III ВЫХОД

Выход был неожиданным — по боевой тревоге, по сигналу из Москвы. Отсюда вывод: в море — на неопределённое время. Думай, командир.

На кону ответственность нешуточная. Выйти поломанным — очень плохо. А без запаса продовольствия?

— Помощник, замполит — бегом на базу! Без необходимых продуктов лучше не возвращайтесь. Час — на всё про всё!

На всякий случай — торпедолов в готовности: если ПЛ отойдёт от пирса без них, ещё час до выхода из базы. Успеют. Договорюсь с оперативным дежурным — нагоняй будет, но победителей не судят. Главное — экипаж обеспечен.

Успели. Догнали почти у выхода из базы. Подзагрузились.

И вот — мостик. Свежий ветер, солёные брызги. Впереди мысы Маячный и Безымянный, скалы Три Брата. Традиция подводников — пить кофе на мостике, проходя родные берега в установленное время. Кайф. Настоящий кайф.

Три брата. Авачинская бухта, Камчатка.

ЭПИЗОД IV

ПАКЕТ

До точки погружения — примерно час. Штурман предупредит заблаговременно. Сейчас — время вскрыть пакет.

Это всегда особый момент.

В нём — всё: куда, зачем, подробнейшим образом. Но — только для командира. Остальным — в части касающейся. Главный сигнал придёт по радио в одном из сеансов связи.

Каждый матрос на борту знал одно: выполнение боевой задачи зависит и от него тоже.

ЭПИЗОД V

ОСОБИСТ

Штурманская рубка — лучшее место для командира, когда надо вскрыть пакет. Карты под рукой, никто не мешает, полумрак и тишина — только мерное гудение приборов и далёкий шум моря за бортом.

Только наклонился над столом — сзади услышал знакомое пыхтение. Особист. Невидимое Ухо и Глаз. Не впервые.

Хорошие ребята, не выпендриваются своим особым положением. Работа у них такая.

Но мысль всё равно посещала: не доверяют? Думают — смалодушничая в решающий момент? Или просто — положено так?

Нет, конечно. Я это понимал. И не бычился. Командир бычиться не имеет права — слишком дорого обходится.

ЭПИЗОД VI

ПОГРУЖЕНИЕ

Погружение — это всегда особое. Казалось бы — отработано до автоматизма: и на тренажёрах, и на стульях, и фактически сотни раз. А всё равно — волнительно. По крайней мере — не безразлично.

И всегда в этот момент всплывает в памяти одна история. ПЛ проекта 670. Опытный командир. Опытный экипаж. Всё как обычно. А оказались на грунте.

Атомоход. Живой. А выбраться — некуда.

Я не боялся погружения — был асом. Но этот случай, унёсший несколько жизней, никогда не уходил из головы. Все были профессионалами. Все — ответственными людьми. Никогда не было — и вот, опять. Известный афоризм известного человека.

Поэтому погружение для меня всегда было священнодействием. Как и всплытие.

Центральный пост. Приглушённый свет. Напряжённые лица вахтенной смены. Тишина — такая, что слышно собственное дыхание.

— Курс... скорость... глубина... глубина под килем!

Погружаемся.

ЭПИЗОД VII

ОДИН НА ОДИН С ОКЕАНОМ

Есть ощущение, которое невозможно передать словами тому, кто не был там.

Ты — в скорлупе. В капсуле из стали, которую в любую секунду может раздавить могучая, никем не обузданная сила. Она обволакивает тебя со всех сторон — миллионы тонн воды, холодной и равнодушной. Стоит расслабиться, ошибиться, заснуть — и ты уже во власти океана. А эта власть не прощает слабину.

Тихо шумят вентиляторы. Пахнет маслом, озоном и железом. Где-то в кормовых отсеках — далёкий гул турбин. Глубина — сто двадцать семь метров.

Почему у подводников командир — первый после Бога? Потому что это правда. Мне приходилось видеть это собственными глазами — когда смотрят на тебя как на единственного спасителя. Не на Бога — на командира.

Вот почему у командира должен быть резерв. Всегда. Командирская группа баллонов высокого давления — последняя надежда в критической ситуации. Крайний случай. Но — есть.

Есть ещё горизонтальные рули — рули всплытия и погружения. Они отвечают — но скорость упала и подъёмной силы нет. Пробоина на глубине под высоким давлением — отсек заполняется в секунды.

— Боцман! Всплывай!

И командирская группа — наготове.

В этом выходе мне пришлось воспользоваться ею по назначению. Ситуация развивалась незаметно, коварно поджидая нас. Никто ещё не знал. Экипаж отдыхал — объявлена готовность №2, повседневная. Дежурная смена на вахте, остальные отдыхают.

А опасность уже была рядом. Затаилась. Ждала.

Надо добавить одну деталь, без которой не понять дальнейшего. Подводные лодки этого проекта строились вдали от мест службы — и были рассчитаны на другую солёность моря. Здесь, в этих водах, лодка оказывалась тяжелее примерно на пять тонн. Ничего страшного — если командир об этом знает и учитывает при дифферентовке. Но в аварийной ситуации эти пять тонн могли сыграть гибельную роль.

ЭПИЗОД VIII

ГЛУБИНА 127. ЦИФРА 7

Глубина выбрана не произвольно — расчётная. Там, где лодка наиболее скрытна: от стационарных систем обнаружения, от противолодочной авиации, от надводных кораблей.

Сто двадцать семь метров.

Почему именно семь на конце?

Это мои командирские причуды. Я всегда погружался на расчётную глубину — но последней цифрой всегда была семёрка. В море она меня спасала. Не раз.

Сейчас, на пенсии, давно в отставке — я по-прежнему равнодушен к этой цифре. В электронном адресе их две. В паролях — тоже присутствует. Будет время — расскажу почему.

А тогда — командир не спал. Вместе со штурманом изучал маршрут. Навигационные опасности на глубинах следования. Гидрология моря. Где можно укрыться от противника. На каких глубинах скрытно следить за чужой подводной лодкой или надводным кораблём.

Тихий свет над картой. Карандаш в руке. Штурман рядом — молчит, ждёт.

Много мелочей, каждая из которых могла повлиять на выполнение задачи. Командир обязан знать их все.

ЭПИЗОД IX

КРИТИЧЕСКАЯ ГЛУБИНА

Вторые сутки подводная лодка следует назначенным курсом. Глубина — двести семь метров. Время — около двух часов ночи. На вахте первая смена, остальные спят спокойно и безмятежно.

Центральный пост. Приглушённый свет. Мерное гудение приборов. Тишина — та особая подводная тишина, в которой слышно всё.

Центральный пост. Отсюда управляют глубиной, курсом и жизнью.

Командир не спит — он отдыхает. Прямо здесь, на боевом посту, у прибора оборудована его «шикарная спальня». Так принято у подводников. С центрального поста в подводном положении командир не уходит никогда — в любую секунду, при малейшем изменении обстановки, вскочить, мгновенно врубиться и действовать.

Так было и на этот раз.

Сквозь сон — какое-то изменение в центральном посту. Голос Меха. В два часа ночи Мех не должен быть на связи. Это уже что-то не то.

Он на связи с пятым отсеком. Пытается прибавить обороты турбине. Что-то не получается.

Мгновенная оценка обстановки — секунды: глубина — двести семь. Скорость по лагу. Глубина под килем — около двух километров.

Подводная лодка медленно теряет ход.

— Боцман, всплывать!

Горизонтальные рули не отвечают. Скорость упала до критической — подъемной силы нет.

Подключаюсь к Меху. Он борется с турбиной — увеличивает обороты, потому что это наше единственное спасение. Турбина слушается команды. Обороты растут. Но хода — нет. Никто не понимает почему.

— Товарищ командир! Сейчас будет ход! Сейчас будет ход!

Илья Железнов. Первый понял всю глубину ситуации. Она была катастрофической. И он делал всё — всё что мог.

Лодка продолжала погружаться. Медленно. Неотвратно.

Вот он — последний аргумент командира.

— ПРОДУТЬ БАЛЛАСТ! АВАРИЙНОЕ ПРОДУВАНИЕ!

К этому моменту уже сыграна боевая тревога. Все на боевых постах.

Командир третьего дивизиона — командир живучести — лично бросился к клапану аварийного продувания. Открывать вручную. Потому что автоматика не сработала.

Эти секунды до открытия клапана показались вечностью.

А подводная лодка медленно погружалась — без хода, рули бессильны. Лодка тяжёлая. Глубина уже больше двухсот метров. На такой глубине даже воздух высокого давления теряет эффективность.

И Илья всё твердил:

— Товарищ командир... сейчас будет ход...

Его заклинило. Он, как никто, понимал что ждёт впереди. И понимал — хода не будет.

На какой глубине океан раздавит подводную лодку — никто не знает. Никто не испытывал. Но раздавит. И всё что в ней находится — тоже.

Прошло не больше минуты. Но это казалось вечностью.

Видел — вернее чувствовал — как матросы и офицеры вокруг всё поняли. И смотрели на меня. С надеждой. Только на меня.

С помощью русского мата и рук командира дивизиона по живучести клапан удалось открыть. И все почувствовали — мощный, яростный рывок воздуха высокого давления, врывающегося в цистерны. Четыреста килограммов на сантиметр квадратный против давления океана.

Кто кого.

Подводная лодка задрожала от напряжения. И — остановилась.

Вот он — тот момент. Кто кого. И он показался вечностью.

Помню его до сих пор. Голова ясная. Тело — будто окаменело. Мы сделали всё. Всё что могли.

Тяга к жизни победила.

Лодка словно ожила — и медленно пошла вверх. Всё быстрее. Всё увереннее. Поднимаюсь к поверхности...

Когда стало ясно что опасность миновала — стравил воздух высокого давления, открыв клапаны вентиляции цистерн. До поверхности — двадцать метров.

Поднял перископ. Осмотрелся — нет ли судов на поверхности. Всё было безлюдно.

— Всплываем. Полностью в надводное положение.

Тут уж не до войны — надо разбираться что случилось с турбиной. Почему винт не развивал обороты.

Забегая вперёд скажу: ход турбиной нам удалось дать только через трое суток. И это было только начало наших бед и мытарств.

Мораль:

Если настал тот самый критический момент — пришла беда неизвестно откуда — действуй не медля ни секунды. Хладнокровно. Без паники. Без ошибок. В причинах будешь разбираться потом — когда опасность миновала.

ЭПИЗОД X

ВСПЛЫТИЕ

Всплыв в надводное положение, мы были спасены. Лодка цела — случилось непредвиденное, разберёмся. А пока я наслаждался неповторимым запахом океана.

Солёный ветер. Простор после стального плена отсеков. Дышать.

Первая партия курильщиков тоже выбралась наверх. Я стрельнул сигарету и затянулся — хотя по жизни не курил. Ещё не до конца отошёл от пережитого, но был доволен. И благодарен. Себе. Людям, которые не запаниковали в критический момент. Тем, кто создал этот корабль и эти системы спасения. Семье — жене, сынам. За то, что они есть. За моральную опору.

Ждал Меха. Не разрешил ему выйти наверх, пока не разберётся в причине и не скажет когда устранят поломку.

Дал радио на берег:

«Потерял ход. Всплыл в надводное положение. Личный состав жив, здоров. С причиной поломки разбираюсь. Командир.»

Там, конечно, переполох. Но главное — трагедии нет, связь установлена. Теперь жди кучу указаний. Хотя и так понятно: с обстановкой и поломкой мы разберёмся сами. До берегов далеко — не прилетишь, не подойдёшь. Командир, разбирайся.

Вышел Мех. По его лицу, даже при тусклом свете, было ясно — дело дрянь.

Заводской дефект. Дефект металла. Муфта, соединяющая турбину и линию вала с гребным винтом — разъединена, все крепления разбиты в пух и прах. Мотористы пытаются что-то сделать — пока ничего не получается.

— Штурман, курс в базу.

— Электромоторам — Средний вперёд!

И поехали. Пусть хоть пешком — надо. Дорога к дому всегда короче.

ЭПИЗОД XI

ШТОРМ

Получил сводку погоды: в нашу сторону надвигается глубокий циклон. Настоящий океанский шторм.

А ты — как в степи, голенький.

Раньше проблем не было — нырнул поглубже, метров на сто, и наслаждайся тишью. Наверху коловерть невероятная — а ты в покое. Теперь придётся встретиться один на один с великим и могущественным Нептуном, когда он взбешён.

Одна надежда — мы не потопляемы. Как бочка. Связь с берегом есть, место знаем, буксиры уже, наверное, вышли навстречу.

Страшно ли было? Нет. Ни капельки. Океан — моя стихия. Морской болезнью почти не болел — только аппетит прибавлялся. Есть такая категория людей. Кругом вповалку лежат, сидят в обнимку с тем что под руку попало — уже всё выжато, а выворачивает наизнанку. А я любил в это время побаловаться чаем с сухарями.

Знаменитые подводничьи сухари — в квадратных металлических банках литров на двадцать. И шоколад — в круглых, поменьше. ГОСТ. Такого сейчас нет.

Готовился и надеялся на надёжность лодки и своих людей. Банки с сухарями им в помощь.

Мораль:

Моральная, духовная поддержка очень важна — она помогает в трудные минуты и вдохновляет. Связь с берегом — это связь с родными и близкими. Неважно, могут они помочь или нет — всё равно они с тобой. А значит, ты морально в разы сильнее.

ЭПИЗОД XII БУКСИРЫ

Два буксира шли навстречу — утром должны быть у нас. Заведём буксир и войдём в базу. Но меня как командира тревожило одно: входить в базу «за ноздрю» считалось позоритцем. Всё ещё теплилась надежда — что мотористы каким-то образом зафиксируют вал, сварят конструкцию и мы дадим ход турбиной. Тогда победа. Тогда — со щитом.

Работы в кормовых отсеках не прекращались ни на минуту. Иногда удавалось на какое-то время закрепить вал, начинали обварку — но набегала волна и всё ломалось как спички. Подводники — чёрные, чумазные, полураздетые — трудились, сменяя друг друга. Там был и замполит — засучив рукава, с ломом. Как и положено хорошему замполиту — быть в самом трудном месте. Это я говорю без иронии.

Несколько попыток линемётом докинуть конец до лодки — безуспешно. Шкерт добрасывали, но волна тут же уносила. Выпускать людей на надстройку — верная гибель. Сам буксир болтало так, что смотреть страшно.

Прекратили попытки.

Тут мне как командиру стало чуть легче — появился старший начальник. Хоть часть докладов снял — а то дёргали постоянно: доложи то, доложи как погода, как личный состав. А реальная помощь? Вот она — рядом, на буксире. И ничем помочь не может.

Мне уже было ясно: помощь — только в нас самих. Быстрее восстановить турбину. И наша стойкость — стойкость всего экипажа.

Шторм крепчал. Внутри лодки чувствовался не меньше чем наверху. Болтало так, что удерживаться было с трудом — натываясь на переборки.

— Верхний рубочный люк задраить. Всем вниз!

Нас трое наверху — надёжно привязаны страховочными поясами. Волна уже заливала рубочное пространство и пыталась сорвать с мест.

Доложил старшему начальнику о своём решении. Посочувствовал ему — знал что ему физически ещё тяжелее. Знал что он не переносит качку. Влёжку руководит операцией.

Тут званий нет. Всем командует господин Нептун.

Комдив — настоящий подводник, всё понимал. Дал добро действовать по обстановке.

Всех осторожно спустил вниз. Тщательно задраил верхний и нижний рубочные люки. Встал у перископа.

Бедные буксиры. Просил их отойти подальше — чтоб не столкнуться. Их швыряло — не приведи господь.

Сверился со штурманом — куда дрейфуем. Пока в сторону дома. До берега ещё далеко. Нам бы ночь простоять и день продержаться. Что дальше — никто не знал.

Мораль:

Трудности, которые встретились на пути — они не вечные. Надо только выбрать правильный путь и действия, которые ускорят их преодоление. И сам будешь душевно страдать меньше — действуя, а не дожидаясь что произойдёт само собой.

ЭПИЗОД XIII

НОЧЬ В ШТОРМ

После купели наверху внизу казалась тишь да благодать. Подташнивало, но проголодался — почти целый день на ногах и в напряжении.

Коки придумали компактный сухой паёк. Мне предложили бутерброд с ветчиной и кофе — полкружки, иначе выплещется. Какой оказался вкусный закусон! Помощник рассказал как они умудрились приготовить обед и подать его чтобы не расплескать. Кое-что разлили, повалили на столе — но справились. Большинство предпочли сухарики. Некоторые и на них смотреть не могли. Картина не для слабых и брезгливых.

Мы со старпомом неплохо устроились за перископом — держаться обеими руками, и обстановку наверху видно. То вода бурлит заливая стекло, то небо в овчинку, то горизонт мелькнёт.

Бедные буксиры. Их там швыряло — не приведи господь.

Медленно, но продвигались в сторону берега. По мере приближения — тревога нарастала. Шторм перестал быть союзником. Слабосильными электромоторами от берега не удержишься. Буксиры в такую качку — только разобьёмся друг о друга.

Одно — штормовать подальше от берега и ждать. Шторм не вечен. Когда-то должен выдохнуться.

Интуиция подсказывала — в море безопаснее, чем у берега. Пока до него далеко.

ЭПИЗОД XIV

ПОБЕДА

Утром следующего дня уже виден был берег. Это не радовало — он был смертельно опасен.

Но — вот она, надежда. Циклон начал разворачиваться на юг. Уже не на берег — параллельно. Шторм выдыхался.

Получил приказание от командующего заходить в базу с помощью буксиров. Но погода ещё не позволяла. Вдвоём с командиром дивизии нам удалось убедить командующего повременить — дожждаться улучшения.

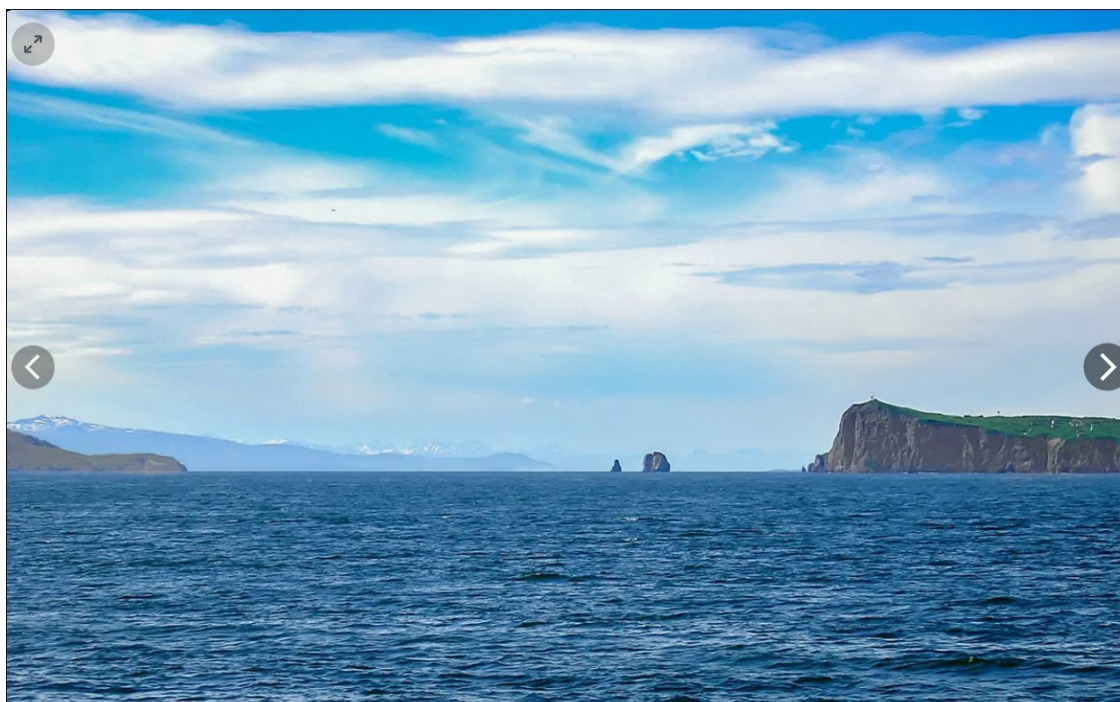
И тут из пятого отсека раздался радостный вопль Мехи.

— Товарищ командир! Ход будет! Муфту состыковали с валом!

Сорок оборотов. Не спешим. Осторожно. Семьдесят. Сто. Испытали на реверс — держит.

Мы спасены.

К вечеру шторм обессилел. Волны успокоились. Входим в базу — не на буксире, а в сопровождении буксиров. Это совсем другое дело.

Входим в базу. Мысы Маячный и Безымянный — живые. Значит живы и мы.

Это победа.

По приходу в базу начались разборки — что, почему, кто виноват. Как победителей — никого не наказали. Но и не наградили. Впрочем, не наказание считалось поощрением.

Новый командующий адмирал Балтин после того как разобрался, стал называть меня по-свойски: Гриша. В личной беседе. Это означало большое доверие и уважение.

Потом, уже за другие дела и ответственный океанский поход через весь Тихий океан, представлял меня к Герою Советского Союза. Но об этом — в другой раз.

Мораль:

И на бога надейся — а сам не плошай.

* * *

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ОТКУДА Я РОДОМ**

Откуда это берётся? Та самая стойкость, которая не ломается ни на глубине двухсот метров, ни в океанском шторме без хода. Наверное, оттуда. Из самого начала. Из детства.

**ЭПИЗОД XV
БЕСКОЗЫРКА**

Фундамент человека закладывается в детстве. Именно там — в самом начале — формируется то, чем ты останешься на всю жизнь. Как бы жизнь ни ломала, ни возвышала — ты всё равно тот же. Если был скромным — останешься скромным. Бандит станет бандитом. Честного человека можно заставить переступить себя — только силой, через его волю. Но он всё равно останется честным.

Как только создадутся условия для истинного «я» — ты и будешь самым собой.

Попробую вспомнить детство. Всё позабылось — но отдельные вспышки памяти остались.

Начну с малой родины. С Нижнего Катарача, где я и родился.

Шли мы втроём — мама, я и Лёшка. Шли в гости к дяде Стратону — жили уже тогда в Смолино. Мне годика четыре, Лёшке два с гаком. На мосту через речку порыв ветра сдул с меня детскую бескозырку — прямо в воду, затянуло под брёвна. Так и не достали.

Мама посмотрела и сказала:

— Быть тебе, сынок, моряком. Видно, море уже тебя ждёт.

Я тогда, конечно, ничего не понял. Вспомнил эти слова много лет спустя — когда уже поступил в военно-морское училище.

А поступление было таким же неожиданным, как та бескозырка.

Закончил первый курс горного института в Перми. О море и не думал. Вызвали в военкомат — предложили военно-морское училище во Владивостоке. И тут ещё один такой же призывник — Башаров Фёдор, татарин, с которым мы сразу сдружились — давай, говорит, поехали во Владивосток, я там в прошлом году был, но не поступил.

Уговорил.

Письмо домой написал только тогда, когда поступил. Прислал фото — бритый, в курсантской форме. До этого, видимо, сам не верил что там окажусь. За семь тысяч километров от родного дома.

Вот что значит — судьба.

Фёдор в тот год снова не поступил. Но приехал в третий раз — и всё-таки поступил. Потом стал у меня старшим помощником. Дослужился до капитана первого ранга. Вот такая история вышла.

ЭПИЗОД XVI

МАМА

Отец был строг, суров, но справедлив — зрил в корень. Я до сих пор придерживаюсь его привычек и отношения к жизни.

А наша мама...

До сих пор не возьму в толк — как она справлялась со всем. С нами, ребяташками. Со скотом. С хозяйством. Когда отдыхала? Сколько удавалось поспать?

Утром, ни свет ни заря — уже доит корову. Топит печь. Надо покормить нас и отца.

Картошка. Лепёшки. Молоко всегда было. И хлеб — только испечённый, ещё горячий. Словами не передашь. И таланта не хватит — написать про неё всё что она заслуживает.

Прослезился, когда это вспоминал и писал.

ЭПИЗОД XVII

ТРУД

Как мы трудились — словами не передать. Огород, дрова, сенокос. Пилили, кололи, складывали поленицы в лесу на делянках. Косили траву, метали зарод — быстрее, быстрее, потому что дождь вот-вот пойдёт и вся работа насмарку.

Помню, как чуть не свалился в обморок — хотя уже был достаточно силён и работал наравне со взрослыми мужиками.

Косили с отцом у казаха — он дал нам участок в степи, трава высоченная, змей видимо-невидимо. Косили целый день. За это он дал нам лошадь — свозить копны к зароду. Ночевали у него, пили кумыс.

Я старался не пить — очень брезговал. Но отец цыкнул: давай, сынок, а то хозяин обидится и лошадь не даст.

Так неделями — то в лесу на делянке, то в степи на сенокосе.

Самое нелюбимое — пасти стадо коров. Пили воду из болота, черпали фуражкой и через неё процеживали. До сих пор помню её болотный вкус.

Зато самое вкусное — рыбные консервы в томате и похлёбка, которую мама варила на костре.

Ходили за ягодами и грибами — их у нас грибами не называли: грузди, обабки, опёнышки, красавки, коровяки.

Зимой — уход за скотом, кормление, уборка пригона от ляпёшек. Их не отдерёшь от мороза. Хорошо запомнилось.

Отношение отца к зерну, к хлебу — они знали ему цену. Хлеб всему голова — для них это были не пустые слова. Это отношение передалось и мне на всю жизнь, отношусь к нему так же трепетно. Помню как мы не раз с Лёшкой зерно в амбаре переваливали из сусека в сусек, задыхаясь в пыли. И ничего, не роптали — в мыслях не было, знали: если не так сделаем, то зерно сгниёт и есть будет нечего, а за нами ещё мал мала меньше.

А речка наша фадюшинская была: с одного берега мы ныряем, а с другого — свиньи. На том берегу была большая колхозная свиная ферма, и речка была такая грязная, что в ней никакая зараза не выживала — и мы были все здоровые. Я её туда и обратно проныривал не один раз.

ЭПИЗОД XVIII

БАУШКА СТЕПАНИДУШКА

Всех нас убаюкивала баушка Степанидушка. Зыбка — люлька пестерная, привязана к потолку на крюк, раскачивалась на пружине. Все в ней побывали.

Вечерами мы рассаживались на печи и полатах, а баушка рассказывала сказки. Откуда она их столько знала — до сих пор удивляюсь. Мы сидели вокруг, замороженные.

Так она нас и воспитывала — пока родители зарабатывали на хлеб.

Но баушка была строгой. Ходила всегда с лестовкой — и умела ею пользоваться.

Однажды мы с Лёшкой во время праздника притаились под столом. Умудрились не только закуски стащить — но и бражки из стаканов отпить.

Степанидушка вычислила нас мгновенно. Мы пулей выскочили из-под стола — на улицу, в гору. Но баушка догнала. И начала охаживать лестовкой по цыпкам на ногах — да так больно! И приговаривала:

— Вот вам за это! Вот вам за бражку! Никогда не пейте это пойло поганое!

Слово своё мы ей дали. И запомнили.

ЭПИЗОД XIX

БРАТЬЯ И СЁСТРЫ

Лёшку помню с самого детства. Мне было года четыре — пробирался через двор к воротам мимо гусей. Гусь был особо злой. Настиг меня у самых ворот — начал клевать и бить крыльями, сбил с ног.

Сижу на земле, отбиваюсь руками и ногами.

А Лёшка сидел у окна, всё видел — и закричал баушке Степанидушке. Она прибежала, прогнала гуся.

И нарекла меня бесстрашным дворянином — за то что сражался стойко.

Так и шёл по жизни — бесстрашно, в самые дальние и нелёгкие дела.

Помню как Лёшка отвоёвывал свою Зину. Пришли мы втроём к катаракким — я, Коля Панкратьев и Лёшка. А их целая орава. Но у меня уже был авторитет, меня знали. Устроили поединок — один на один, по правилам. Лёшка победил и отстоял Зину.

Анна — такая старательная была, никому не уступала. Соревновались кто больше ведер картошки принесёт. Анна не хотела уступать ни Алексею, ни мне — уже вся изнемогла, но не сдавалась. А Паша в это время ещё не ходил — сидел у кучи картошки прямо на земле, весь чумазый, сам собой занимался.

Ваню однажды потеряли. Искали долго — я так ревел, так ревел, жалко было. Но всё обошлось — нашла его Люся Козловских и привела. Вот мы все радовались!

Иринку помню совсем маленькой — качал её в зыбке. И Пашу тоже.

Галину совсем не помню маленькой. Видимо тихо и скромно себя вела.

ЭПИЗОД XX

ОТ КЕРОСИНОВОЙ ЛАМПЫ ДО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Анну, когда была маленькой, хотели отдать тётке Марусе — у той не было детей. Мама советовалась с нами. Анна часто у неё гостила. Не знаю как — но не отдали. Может, сама не захотела.

Тётя Маруся жила недалеко, в избушке как идти на речку — с правой стороны. Подрабатывала фотографией. Меня тоже приглашала ночевать — одна боялась.

Помню — сидел у неё и слушал радио. Круглая тарелка. Кто-то поёт и разговаривает. Заглядывал внутрь — кто там?

А кино! Как нам с Лёшкой в кино хотелось! Как только кинопередвижка начинала работать — её было слышно далеко — мы уже были на стрёме. Билеты стоили пять копеек. Это было редкостью и великой радостью.

До сих пор люблю кино. Много работаю — а вечером кино, для отдыха.

Жизнь вроде короткая — а как много всего произошло. От керосиновой лампы до интернета. От круглого приёмника до искусственного интеллекта — с которым теперь можно разговаривать о чём угодно.

ЭПИЗОД XXI

ПЕРВЫЙ КЛАСС

Помню сборы в первый класс. Одет был как пришлось — не до формы. Люди выживали: как бы накормить детей, одеть.

Я категорически отказался от тряпочной сумки для книжек. Она была похожа на суму Евсташки — деревенского дурачка, которого мы дразнили, когда он ходил по дворам и собирал что подаст. Кое-как нашли какую-то другую сумку — туда и уложил книжки с тетрадками.

Учительница первая — Перфильева Анна Ивановна. Строгая, учила хорошо.

Ребятишек в селе было много. Нас, первоклашек, набралось аж два класса — по тридцать и более человек в каждом. На переменах сразу образовалась вражда — мы на втором этаже, они на первом. Периодически встречались и устраивали потасовки. Дошло до ремней у кого они были. Пришлось вмешаться учителям и родителям.

Всё как у взрослых — дерутся, не разбирая правоты. Только масштаб другой.

ЭПИЗОД XXII

СУВОРОВЕЦ

Учился я неважно. Даже двойки проскакивали.

Но вот однажды на обложке книги «Родная речь» увидел картинку — «На побывке». Нарисован суворовец дома. Так запала мне эта картина в душу, что решил — буду таким же!

Стал лучше учиться. Больше читал. Появилась цель.

Но как туда поступать — никто ничего не знал. Ничего не получилось. Мечта угасла.

Потом узнал — приём перенесли, можно поступать не после четвёртого класса, а после восьмого. Снова загорелся.

Учился уже без троек. Начал заниматься спортом. Через дорогу установили перекладину с помощью взрослых. Сосед дядя Гоша сделал металлические гантели в сельской мастерской.

Лёшка присоединился. Другие мальчишки подтянулись. Авторитет рос.

Раздобыли даже боксёрские перчатки. Больше всех доставалось Лёшке — всё отрабатывалось на нём. Но он не отступал, отбивался отчаянно.

ЭПИЗОД XXIII

ЛЫЖНИК, БАЯНИСТ, КОМСОРГ

В школе была очень сильная лыжная секция — одно из первых мест в районе. Тренер Владислав Барсов — фанат лыжник и спортсмен. Он приглядел меня ещё в седьмом классе.

Так я стал лыжником. К концу девятого класса — чемпион школы, шёл по первому взрослому разряду. Много раз участвовал в районных и областных соревнованиях.

Помню соревнования по области на Уктусских горах. Эстафетный забег. Крутой спуск — сильно упал. Быстро поднялся и добежал до финиша весь в крови. Команду не подвёл.

Барсов тогда отметил меня, вручил грамоту. Таких грамот за школу накопилось множество.

Однажды Барсов предложил мне стать учителем физкультуры. Я сказал: хочу быть военным. Он пытался разубедить — я остался при своём.

В школе была развита художественная самодеятельность. Выезжали в соседние сёла с выступлениями. Я играл на баяне и пел.

Так сильно волновался, что иногда сбивался. Был очень стеснителен.

В девятом классе избрали комсоргом класса. В десятом — всей школы. Когда всё успевал — не знаю.

Молодая учительница как-то сказала мне в личной беседе:

— Не заглядывайся на девчонок. Тебе учиться надо. У тебя большое будущее. А девочки быстро окрутят — и останешься с ними в деревне, телят пасти.

Она же просила научить её играть на баяне.

Мораль:

То, что заложено родителями генетически и закрепилось в детстве — это на всю жизнь. И твоя деятельность, кем бы ты ни был, будет всю жизнь сталкиваться с тем, что ты есть на самом деле. Хорошо, если в согласи!

ЭПИЗОД XXIV

КУДА ПОЙТИ

Экзамены сдал на хорошо и отлично — больше отличных. И встал вопрос: куда пойти учиться.

В суворовское училище не поступил — вызов так и не прислали. Каждый день ждал. То ли почта не сработала, то ли по конкурсу документов не прошёл. Так и остался перед выбором — уже после школы.

Выбор был большой, но совершенно неведомый. И не у кого спросить, не у кого посоветоваться.

— Дак чё, куда хочешь, туда и иди — мы тебя выучили, вырастили. Теперь можешь идти. Дома всё равно не останешься.

Примерно такой разговор с родителями.

И я поехал в Свердловск — один, наобум. Хотел поступить в лётное училище — но набор уже закончился.

Вспомнил разговор с тётей Марусей. Она говорила: у тебя руки такие — из тебя бы получился хороший хирург. Вот я и стал поступать в медицинский, на хирурга. Успел даже записаться в секцию гимнастики и тяжёлой атлетики.

Но после экскурсии в анатомический музей понял — это не моё. Посмотрел на части тела, замурованные в формалине, и долго есть не мог. Я от рождения очень брезглив — хотя в деревне всякое видел.

Бросился в юридический — сказали: только после армии.

Куда?! Время поджимало.

Позвонил Володе в Пермь. Он оптимист: запросто, у нас в Перми есть авиационное училище — поступишь. Так я оказался в Перми.

В лётное не поступил — то ли давление не пропустило, то ли набор уже закончился. Бросился куда попадётся — лишь бы поступить. Стыдно было домой возвращаться!

Так и поступил в горный институт на геодезический факультет.

Но от судьбы не уйдёшь. Уже через год ехал вместе с татаринном Башаровым Федей во Владивосток — поступать в высшее военно-морское училище имени С.О. Макарова.

Слова мамы у моста сбылись.

Мораль:

От судьбы не уйдёшь — что на роду написано, так и произойдёт. Но не без твоего участия и упорства. Потому что и воля, и старания тоже учтены.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СНОВА МОРЕ

ЭПИЗОД XXV

ЧЕРЕЗ ТИХИЙ ОКЕАН

Я уже был опытным командиром атомохода — выполнил не одну самостоятельную автономную боевую службу и числился в числе перспективных кандидатов в Военно-морскую академию в Ленинграде.

И тут — неожиданно — вызов в штаб флота во Владивостоке. К командующему ТОФ.

Не на обед. И не за наградой.

Предстоящий поход только планировался — и меня, как опытного командира, пригласили участвовать в его разработке. Сложность была в том, что район — необычный. Вблизи берегов вероятного противника. Маршрут пролегал через весь Тихий океан, через многочисленные противолодочные рубежи, в том числе стационарную систему обнаружения «Сосус».

Нужен был маршрут — совершенно скрытный, невидимый, необычный.

Ознакомившись с предполагаемым маршрутом, рельефом дна и глубинами, попросил расширить полосу движения — на случай уклонения от противолодочных сил. Детали похода я узнаю из пакета — уже после выхода в море.

И вот — снова Камчатка.

Про подготовку, проверки, береговую суетню и нервотрёпку описывать не буду. Неинтересно и нудно. Как всегда после такой напряжёнки — одно желание: поскорее уйти в море.

На прощание с нами прощаются Три Брата, мысы Входной и Безымянный.

Курс — в точку погружения. Набегала лёгкая волна. Совсем скоро не будем видеть ни волн, ни родных берегов — почти три месяца.

В перископ ещё раз посмотрел на берег. Увижу его не скоро. Но не сомневался — увижу.

Погрузились буднично, без напряжения. Лодка вела себя прекрасно — вошли с дифферентом три градуса на нос, на сорока метрах осмотрелись. Всё хорошо.

Я как бы слился с подводной лодкой — чтобы чувствовать её ход, её дифферент, глубину, мерную работу механизмов. Чтобы малейшее изменение её поведения чувствовать на себе. Так мне было спокойнее, проще и легче.

Первые несколько дней — на отработку ходовых вахт. Привыкнуть к новому ритму подводной жизни. Все часы на лодке перевели на Москву. Жили по московскому времени — нами управлял Главный штаб.

ЭПИЗОД XXVI

ПОД БРЮХОМ ТРАНСПОРТА

Экипаж постепенно входил в ритм подводной службы. Трёхсменная вахта: четыре часа на посту, восемь — перерыв. В сутки — восемь часов вахты, остальное сон и плановые мероприятия.

Первые сутки — самые опасные. Требуется особая бдительность. Постоянно проводил тренировки: борьба с пожаром, радиационной опасностью, управление при аварийных ситуациях.

Для себя ввёл жёсткий распорядок. Обязательная зарядка на месте. Ходьба по нижнему коридору — десять метров туда, десять обратно. Освоил специальные упражнения и стойку на голове, пока был один.

Несколько часов — подготовка к академии. Хотя знал: в первую голову учитывается характеристика командира. Твои заслуги.

В кают-компанию, как правило, не ходил — поесть приносил вестовой прямо в центральный пост. Утром — хороший бутерброд с маслом и икрой. В обед — пятьдесят граммов сухого вина. И шоколад — плитки по пятнадцать граммов. ГОСТ. Тот самый.

Не качало, не бросало. Лишь маленький дифферент на нос.

День за днём, казалось бы — ничего не происходило. Но это было не так. Постоянно менялся курс, скорость, глубина. Всё маневрирование подчинено одному — максимальной скрытности.

Я знал: чуть южнее пролегают маршруты международных судов — сухогрузы, танкеры. Они могли помочь. Дал команду акустикам: внимательно следить за горизонтом, обнаружить подходящее судно.

Через несколько часов — есть. По спектру и силе шумящих винтов — транспорт. Курс попутный, скорость около двенадцати узлов. Вычислительная группа быстро рассчитала всё необходимое. Штурман проложил курс сближения.

Мы на безопасной глубине поднырнули под транспорт.

Его шумовое поле накрыло нас — мы слились с ним. Теперь для любых средств обнаружения противника — мы не существуем. Тем же курсом и скоростью шли в назначенный район — под брюхом транспорта, в его тени.

ЭПИЗОД XXVII ОПЕРАЦИЯ

За всеми этими делами забыл рассказать об одном случае.

Примерно сутки назад ко мне прибежал взволнованный доктор.

— На борту больной. Критическое состояние. Требуется хирургическая операция — аппендицит. Все меры принял, избежать не удалось. Товарищ командир, что делать?

— Доктор, вы уверены что справитесь и с больным ничего не случится?

— Да.

— Делайте операцию. Мы не можем сорвать выполнение задачи и вернуться в базу. Вертолёт до нас уже не долетит — далеко от берега. Но если жизнь человека в опасности — будем спасать.

Молодой лейтенант-штурманёнок. Первый раз в автономном плавании.

Доктор почесал затылок и ушёл готовить лейтенанта к операции.

Через некоторое время — по корабельной связи «Каштан»:

— Нужен помощник в качестве медбрата. Химик-санитар упал в обморок при виде крови.

Я огляделся. Все в центральном посту молчали.

И тут старший помощник Андрей Апполонов:

— Я могу. Разрешите мне.

Пришлось отправить своего старпома на благое дело. Хороший старпом. Хороший человек. Даже в этом случае проявил себя благородно.

Операция прошла успешно. Больной чувствует себя удовлетворительно.

ЭПИЗОД XXVIII НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Утром следующего дня снизил скорость до малозумного режима и осторожно отстал от «корабля сопровождения» примерно на десять кабельтовых.

Осторожно поднялся под перископ. Оглядел горизонт.

Кругом пустынно, тихо. Лишь впереди медленно движется огромное судно — американский контейнеровоз. Будто гигантский призрак, плывущий навстречу рассвету сквозь утренний туман Тихого океана.

Наш акустический щит — под прикрытием таких громадин мы скрытно форсировали океан.

Получив шифровку из штаба, отправил короткий сигнал о своих действиях — и снова нырнул в тёмные глубины, плотно прижавшись снизу к корпусу гиганта. План был простой и дерзкий: незаметно миновать вражеские линии обнаружения в акустической тени огромного судна, выиграть драгоценное время и оказаться в нужном районе раньше срока.

Но я понимал: главная угроза порой таится не снаружи — а внутри собственной лодки. Огромная мощь атомохода, километры проводов, десятки электрических щитов — малейшая ошибка могла обернуться катастрофой. Флот знал немало трагедий от пожаров на борту.

Поэтому я лично получал доклады о состоянии электрики — доверяя только проверенным специалистам.

Был у меня знакомый старшина-электрик. Опытный служака. Николай Иванович. Ежедневно обходил он с фонарём самые пожароопасные участки и лично докладывал мне — минуя штатного механика. Услышав его рапорт, я успокаивался и заводил непринуждённый разговор о жизни.

Николай Иванович был заядлым курильщиком. Однажды я спросил полушутливо:

— Николай Иванович, как же вы обходитесь без сигарет столько месяцев?

Старшина улыбнулся хитро, почесал седоватую щетину:

— Товарищ командир, как только слышишь команду «задрать рубочный люк» — рука сама забывает дорогу к карману с табаком. Вы, командир, сами того не зная, лучший психолог на борту!

— Чувствую кожей, когда лодка собирается всплыть — сразу тянет достать сигаретку...

Николай Иванович был старше меня, обладал богатым опытом дальних походов. А я, признаться, никогда не курил вовсе. Но всплыв в надводное положение — закуривал вместе со всеми заядлыми курильщиками.

ЭПИЗОД XXIX КУРИЛЬЩИК

Время неумолимо текло вперёд, сутки плавно перетекали одни в другие. Жизнь на борту шла монотонной чередой вахт и проверок.

Однажды ночью, во время учебной тревоги, когда весь экипаж занял боевые посты — в тесном пространстве центрального поста внезапно почувствовали резкий едкий запах табачного дыма.

Сигаретный дым — вещь особая. Забыть его аромат невозможно, особенно спустя несколько недель воздержания.

Сначала подумал — показалось. Но нет — коллеги подтвердили: пахнет табаком.

Объявил тревогу по пожарной опасности. Мобилизовал замполита, врача и механика. Обыскали каждый угол, допросили каждого матроса. Улики отсутствовали. Всё выглядело загадочно.

И тут осенило.

Кто, кроме шифровальщика, мог позволить себе такую вольность? Единственный, имевший свободный доступ в командирскую каюту. Пока все занимались учебной тревогой — он уютно устроился в командирском кресле и наслаждался запретной затяжкой.

Поручил врачу расследование. Подозрения подтвердились.

Позднее вызвал на разговор. Молодой москвич, из благополучной семьи, избалованный городской жизнью. Стоял бледный, растерянный, глаза блестели слезами.

Поговорили жёстко, но справедливо. Парень искренне поклялся — больше не повторится. Замполит провёл воспитательную беседу. Инцидент был исчерпан.

ЭПИЗОД XXX УМЕЛЕЦ

Сутки сменялись монотонно. Единственным признаком движения оставался ровный гул механизмов. Доклады командиров боевых частей приходили вовремя, обстановка — штатная. Но беда пришла неожиданно.

Командир гидроакустиков доложил: приборы молчат, горизонт глух и пуст.

Потеря гидролокации — потеря слуха и зрения. Смертельно опасно для подводной лодки.

Мы уже не могли безопасно всплыть и выполнять задачу.

Созвал экстренное совещание. Выяснили причину — вышла из строя крошечная деталь. Хитрая металлическая фигурка из сплава меди и керамики. Передаточное звено от акустических датчиков к приборам.

Первый вопрос:

— **Где запасная?**

Ответ прозвучал убийственно:

— **Запасная конструкторами не предусмотрена.**

Судьба похода висела на волоске.

Решил обратиться к умельцам. На каждой субмарине есть такие — способные творить чудеса из подручного материала. Мастера дембельских альбомов и изделий невероятной точности.

Нашли такого матроса. Показал ему сломанную деталь, объяснил важность задачи. Матрос неуверенно кивнул — согласился попробовать.

Пообещал ему заслуженную награду: отпуск домой на тридцать дней после окончания похода.

Времени оставалось в обрез. Другого выхода не было. Оставалось надеяться на чудо и мастерство простого флотского умельца.

ЭПИЗОД XXXI

ЧУДО

Весь экипаж продолжал повседневные обязанности — а я не мог избавиться от навязчивых мыслей. Справится ли парень? Сможем ли восстановить слух и зрение лодки? Может, развернуться и возвращаться назад, признав поражение?

Несколько мучительных часов ожидания превратились в вечность.

Наконец, незадолго до очередного сеанса связи, матрос явился в центральный пост и доложил твёрдым голосом:

— **Товарищ командир, изготовил новую деталь. Давайте проверять!**

Сердце замерло.

Первая попытка — неудача. Деталь не хотела вставать на место.

Вторая попытка — и долгожданный успех. Запчасть села как родная. Акустики оживлённо доложили: оборудование заработало!

Работает ли надолго — неизвестно. Но факт оставался фактом: мы снова видели и слышали океан.

Во время всплытия и сеанса связи убедился окончательно — всё функционирует в штатном режиме. Сообщать о происшествии не пришлось. Миссия продолжалась.

Команда вздохнула свободно. Напряжение спало.

Авария ликвидирована собственными силами. Честь и достоинство командира восстановлены.

По трансляции объявил экипажу о случившемся. И объявил матросу отпуск на родину — сорок пять суток. Вручил ему командирские часы.

Как сейчас помню этого матроса. Спас командира.

ЭПИЗОД XXXII В ТЕНИ ГИГАНТА

Пришло время покидать безопасный звуковой щит контейнера-гиганта и начинать самостоятельный путь в назначенный район.

Штурман и группа вычислителей, согнувшись над картами, напряжённо высчитывали оптимальные варианты маршрута. В тесном центральном посту воздух был густ от напряжения и специфического запаха — присущего только подводным лодкам.

— Боцман, курс в точку назначения. Вахтенному механику — турбине самый малый ход. По всей лодке — режим «Тишина». Максимальная скрытность!

Медленно, беззвучно — словно огромная стальная рыба — лодка вышла из-под корпуса транспортника. Мысленно поблагодарил его за надёжное прикрытие. И ощутил странное беспокойство — впервые за долгое время оставшись без прикрытия, посреди бескрайнего океана.

Лишь равномерный шум приборов, приглушённые голоса операторов и тусклое свечение экранов наполняли отсек.

Произвёл детальный гидрологический замер, выбрал подходящую глубину — скрытую для средств обнаружения противника. Медленно следовали вперёд, словно растворяясь в холодной синеве.

Решил предпринять упреждающее уклонение от системы «Сосус». Задал обратный курс — в надежде что в случае появления на американских экранах операторы сочтут контакт ошибочным. Невозможно поверить, что советская подлодка способна столь скрытно подойти к американским берегам, преодолев тысячи миль незамеченной.

Почти четыре часа ползли в противоположном направлении. Затем резко развернулись и взяли верный курс.

Осторожно поднял перископ. Навстречу взгляду простиралась гладь океана — безмятежная и пустынная. Радиотехнические средства молчали. Гидроакустики доложили:

— Горизонт чист. Следов преследования нет.

Манёвр сработал. Мы остались незамеченными.

Центральный пост превратился в единый пульсирующий организм. По всей лодке — режим максимальной тишины. Механики неусыпно следили за двигателями, заглушая любые посторонние шумы. Все приборы работали исключительно в пассивном режиме.

Мы затаились.

Скрытный переход завершился успехом. Но впереди ждало самое сложное испытание.

Нужны были свежие разведывательные данные. Где американские противолодочные корабли? Где авиация? И главный вопрос — когда выйдет в море американская атомная подводная лодка с баллистическими ракетами класса «Огайо»?

Наша главная цель.

ЭПИЗОД XXXIII

ПРОРЫВ

Район — для скрытности никакой. Мелководный — около ста метров. Дно каменистое, гладкое — негде укрыться. Если нагрянут противолодочные силы — будет тяжело уходить.

В вечерних сумерках, при всплытии на сеанс связи, разведчик доложил: оживление в радиосетях. Утром — возможно выход. Значит — прочесывание района перед выходом ПЛАРБ.

Решил подойти к выходу из базы насколько позволяет район, занять позицию в кормовых курсовых углах ПЛАРБ — чтобы в кратчайший срок установить слежение. Вычислительная группа, штурман, бортовой компьютер — проиграли все варианты. Начали движение в расчётную точку.

Часа через три акустики доложили:

— Шум винтов. Предположительно групповой. Шумы турбин надводных кораблей.

Началось. Контрольное прочесывание района перед выходом ПЛАРБ.

Рассчитал полосу прочесывания — широкая, обойти затруднительно. Если обнаружат — нагрянут противолодочные самолёты, многоцелевая ПЛА. Тогда не уйти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.